

Янь Лян сидел и переписывал Восьмую главу Разъяснения небес для Лю Сяня. Его почерк был округлым, штрихи уверенными, начало и завершение каждой линии выполнялись без показного изящества, а структура иероглифов получалась ровной, правильной и выверенной. Лю Сянь стоял рядом на маленькой скамеечке, уперевшись обеими руками о край стола, и сосредоточенно опускал голову вниз, наблюдая за процессом.

– Цзяцзя хочет написать сам? – Янь Лян склонил голову, глядя на молчаливого Лю Сяня, и протянул ему кисть.

Лю Сянь нахмурился, глядя на кисть в руке Янь Ляна, немного помедлил, но, подняв глаза и встретившись с мягким взглядом Янь Ляна, всё же взял её.

Получалось у него неважно, мягко говоря, даже кривовато. Янь Лян сжал губы, сдерживая улыбку, а Лю Сянь смутно чувствовал, что этот старший брат отчасти затеял всё ради шутки над ним, но в то же время не видел в этом ничего страшного — лишь лицо его слегка покраснело.

Янь Лян находил этого маленького Великого генерала Лю чрезвычайно забавным. Тот явно не хотел, но всё равно писал, а теперь вот снова залился румянцем. Впрочем, Янь Лян опасался, что ребенок рассердится и начнет горько плакать. Старший сын его второго брата, Янь Шэня, малыш Чаоэр именно так себя и вел — его совершенно избаловали, и стоило чему-то пойти не по его воле, как он тут же поднимал плач, от которого начинала болеть голова.

– Давай брат научит Цзяцзя, – заметив покрасневшее лицо Лю Сяня, Янь Лян поспешно взял со стола новый лист рисовой бумаги, встал позади мальчика и принялся учить его выводить иероглифы штрих за штрихом.

От него пахло лекарствами.

А еще сухой и прохладной тканью одежды.

Янь Лян слегка наклонился и, мягко придерживая руку Лю Сяня, провел её по бумаге плавным изгибом. Его рукава опустились, и их края скользнули по тыльной стороне ладони Лю Сяня. Дыхание стоявшего сзади было ровным, от него исходил едва уловимый аромат белого сандала, смешанный с тонкими нотками горьковатого отвара.

А напоследок оставалась сладость засаленных слив.

Если лекарство горькое, обязательно должна быть и сладкая награда. Выпив чашку снадобья, часто горько плачешь, зато потом без конца ешь те сливы, и старшие не возражают — в конце концов, труднее всего приходится именно детям.

Раздался громкий голос Лю Ши:

- Братец! Хочешь молочного мороженого?

Этот карапуз, умудрившись зажать по чашке в каждой руке, принес две фарфоровые пиалы прямо за ширму. Следом за ним семенил маленький Лайцзы, который нес лекарство Янь Ляна — черное-пречерное, от одного только запаха издалека во рту невольно возникал вязущий привкус.

Подняв взгляд на Янь Ляна, Лю Сянь не заметил на лице старшего брата ни малейшего страха: тот взял чашку и стал пить без передышки, глоток за глотком. Лю Сянь нахмурился и дернул Янь Ляна за полу одежды. Янь Лян как раз допил и уже по привычке загодя протянул руку к заготовленным сливам, намереваясь забросить одну в рот, как вдруг опустил голову...

И Лю Сянь влил ему полную ложку медового молока, из которого даже вынули кусочки колотого льда.

Сладко-сливочный, шелковистый вкус и густой молочный аромат в одно мгновение заглушили лекарственную горечь.

Янь Лян с улыбкой погладил Лю Сяня по голове.

Мальчик слегка вздрогнул и чуть опустил голову, однако не стал убирать руку Янь Ляна со своей макушки, хотя и не слишком жаловал, когда с ним так обращаются.

Но все же стерпел, как и прежде.

За марлевыми гардинами расстилались густые зеленые кроны, а назойливое стрекотание насекомых еще с утра было разогнано распорядителем евнухов — Павильон Дунъи оставался самым прохладным и тихим местом во всем Тронном зале Тайхэ. В этот момент медные жаровни, в которых зимой сжигали серебристый уголь, приспособили для тайного хранения льда. Холодный воздух клубился легкой дымкой, струясь вокруг, а Император Яньшэн, истощенный и душой, и телом, утомленно прислонился к кушетке, обтянутой прохладным шелком, прикрыв глаза для короткого отдыха.

Стоявшие поодаль слуги с опущенными головами и согнутыми спинами затаили дыхание в ожидании, пока Евнух Хун не отдаст распоряжение убрать жаровни — в последнее время суматоха из-за многомесячной засухи в Шочжоу на юго-западе сильно тревожила государя, и он не слишком жаловал подобные напоминания.

Евнух Хун ступал бесшумно. Взглянув на солнце за окном и рассудив, что погода стоит прекрасная и примерно через четверть часа император должен проснуться, он повернулся и глазами подал знак стоявшей рядом старшей служанке: убирайте.

Мгновенно всё было сделано четко, слаженно и беззвучно.

Маленький евнух за занавеской несколько раз вытянул шею, выглядывая наружу. Евнух Хун кивнул и вышел, но не успел тот и слова сказать, как евнух схватил мальчика за ухо.

Малыш склонил голову набок и жалобно протянул:

- Ой-ёй... Приемный отец...

- Сколько раз тебе повторять! Чего вытягиваешь шею! А если побеспокоишь задремавшего государя, что тогда делать?! Бестолковая ты голова!

- Виноват, виноват! Отец, я виноват!

Евнух Хун крепко сжал пальцы, свирепо блеснул глазами, слегка взмахнул пылевой метелкой в сгибе локтя и только после этого отпустил ухо.

- Говори.

- Канцлер просит о докладе, говорит, по юго-западу есть кое-какие вести.

- Вести? Разве Господин Янь не отправился на прошлой неделе в Шочжоу ликвидировать последствия бедствия? Так быстро... Да пока кони доскачут туда и обратно...

- Ай... - маленький евнух по имени Ю Цзы встал на цыпочки и прильнул к самому уху. - Сын тоже ничего не понимает, но я тайком отстал на пару шагов и услышал, как канцлер Хуай говорил сопровождавшему его лекарю Се, что при недавней проверке запасов в Шочжоу обнаружилась недостача в сто тысяч лянов. Вот ведь...

- Ступай! - в глазах евнуха Хуна мелькнул острый огонек. - Сначала доложи, что государь спит.

Маленький Ю Цзы расплылся в улыбке, понимая, что принес своему господину ценную весть, и уже собрался было бежать.

- Вернись! - евнух Хун шагнул вперед и снова ухватил приемного сынка за ухо. - Держи язык за зубами! И еще: если от евнуха Фэна просочится хоть слово, можешь не возвращаться — сам содражу кожу с лица, прежде чем явиться ко мне на глаза!

Разве мог маленький Ю Цзы не понимать сути дела? К тому же он был воспитанником евнуха Хуна, так что сообразительности ему было не занимать.

- Сын всё понял! Приемный отец может не беспокоиться ни о чем!

В мгновение ока он умчался докладывать.

Евнух Хун проводил его взглядом, обдумал услышанное со всех сторон, а затем повернулся и вошел внутрь, чтобы проверить, не проснулся ли Император Яньшэн.

<http://bllate.org/book/24919/2948813>